

Концепция личности в гностической позиции Теодора Роззак

Один из ярких представителей американских шестидесятников, профессор Калифорнийского университета Теодор Роззак, решительно ставший на сторону бунтующей молодежи в 60–70-е годы в США, назвал это движение контркультурой. Он сформулировал философию этого протестного движения, основные ее концепции, отразившие его гностическую позицию — антисайентизм, антитехницизм и концепцию личности, развитую им в рамках теории экологического персонализма.

В предлагаемых ниже заметках делается попытка анализа концепции личности Т. Роззак на основе большинства его работ.

Формулируя свою концепцию личности, Теодор Роззак опирался на антропологический принцип, в частности фрейдистский антропологизм. В основе антропологической идеи человеческой природы лежит и идея Руссо о «естественном человеке», которая часто используется для критики тотальной эксплуатации человека в условиях капитализма, посягающего даже на «внутренний мир» личности. На основе этих идей рождается и надежда, что в самой глубине человеческой природы остается цельное ядро, которое неподвластно никакой социальной манипуляции — это структура его чувств, эмоций.

В концепции личности Роззак, как и в его социальной философии, нашли свое отражение также идеи европейского персонализма 1930-х гг. с его «культу личности», идеи Мунье, Лакруа, Л. Толстого, Ганди, Бердяева, Кропоткина и др.

«Личность не есть объект, которым оперируют, она — центр переориентации объективной вселенной» — так выражал свое философское кредо один из основоположников и ведущих теоретиков персо-

нализма Э.Мунье. Персоналисты утверждали приоритет личности, предлагали сделать личность «точкой отсчета философии» — таким способом французская интеллигенция выражала свое разочарование в ценностях капиталистического общества XX в., основанного не на личностных, человеческих связях и взаимоотношениях, а на вещных связях и отношениях. Идеалом персоналисты считали «гуманистическую цивилизацию», где ведущее место занимали бы духовные, эстетические, религиозные ценности. Главной среди многообразных форм человеческой деятельности они признавали не материальную, не производственную деятельность, а искусство, потому что именно там наиболее ярко выражалось человеческое Я.

Отечественный философ И.С.Вдовина подчеркивает, что главное в персонализме, несмотря на его идеализм и теоретическую ограниченность, — это его гуманистическая направленность: для преобразования современного западного общества персоналисты предлагают изменить шкалу оценок самого человека¹.

Многие идеи французских персоналистов Роззак воспринимает и развивает уже в новых исторических условиях, формулируя в своих произведениях теорию **экологического персонализма**. Его экологический персонализм охватывает и идеал личности, и социальную и экологическую философию.

Под личностью у него фигурирует некий уникальный феномен: в центре Природы находится человеческая личность, а в центре личности — уникальное трансцендентное Я, которое надо раскрыть, развить путем самоуглубления, самопознания. Роззак убежден, что внутри человека заключен огромный потенциал добра, любви, справедливости — «Бог внутри нас всех» — и этот потенциал нужно раскрыть. «Говорить о личности, — пишет он в книге «Личность/Планета» (1979), значит говорить о врожденном богатстве возможностей, врожденном аристократизме, о нереализованных возможностях каждого человеческого существа»².

Однако, по мнению других мыслителей, внутри человека, в его инстинктивной природе есть и деструктивный элемент. Например, К.Юнг утверждает, что «путь внутрь» требует большого мужества, так как «темное море бессознательного» таит и большие опасности. Но Роззак этой теме не касается: в его концепции личности человек должен самоуглубиться с одной целью — развить свой позитивный потенциал.

Можно проследить и диалектику его персоналистической философии. В начале 1970-х гг. гибель человеческого духа для Роззака означала и гибель только социальных структур общества, в последующие годы судьбу духа он уже связывает с судьбой Природы, Планеты.

В книге «Там, где кончается пустыня» Роззак писал: «Мы можем теперь признать, что судьба духа — это судьба социального порядка — если в нас гибнет дух, то это значит, что тоже самое происходит и с тем миром, который мы построили вокруг нас»³. А в книге «Личность/Планета» находим уже такое его замечание: гибель личности и гибель Планеты неотделимы друг от друга. Таким образом, экологический персонализм у Роззак перерастает в планетарный персонализм. Роззак тесно связал проблемы личности, природы и самой Планеты, которые, по его мнению, также нещадно эксплуатируются технократией, как и пролетарии, негры и т.д. Им всем одинаково грозит опасностью безудержное развитие «урбанистического индустриализма» — так Роззак называет современное технологическое общество.

Следовательно, можно сказать, что: для теоретика контркультуры свойственно антропоморфное отношение к природе — распространение этического кодекса на природу: он ставит знак равенства между человеком и окружающей его социальной и естественной средой и превращает социально-личностный идеал во внеисторический и вневременной. Объективный конкретно-исторический анализ Роззак подменяет эмоционально-чувственным неприятием постиндустриального общества. И тем не менее, несмотря на эти особенности роззаковской философии, нельзя не замечать четкую гуманистическую направленность его «экологического персонализма».

Одномерное видение, ортодоксальное сознание и научное сознание — для Роззак понятия синонимичные. Такое сознание не признает «немую мудрость инстинктов», стремится подавить их, покорить тело, «Нашей культуре вообще в большей степени, чем любой другой, свойственна репрессия природного начала в человеке», — пишет Роззак⁴. Подавляемая в нас сексуальность еще оказывает сопротивление, но другие свойства натуры уже ослаблены, вытеснены. В результате изживания «фантазийных» элементов в человеке и в природе выхолащивается все самое лучшее, сокровенное⁵.

Разум — это голова, голос тела — это все темное, неподвластное голове. Признавая только разум, отвергая все остальные стороны человека, мы отчуждаем голову от тела: так возникает страшная дихотомия нашей культуры, которая разрывает человека на части. А это крайне опасно, считает Роззак. Личность, раздираемая войной между разумом и чувствами, способна разрушить и себя и все вокруг.

Технологическое общество насквозь пронизано кризисом — кризис личности, социальных институтов отражается и в кризисе природы — поэтому современный кризис носит планетарный, глобаль-

ный характер. Анализу этого планетарного процесса посвящена книга Т.Роззак «Личность/Планета: творческая диз-интеграция индустриального общества» — она «о точке пересечения проблем человеческой психологии и природной экологии»: «Экологическая мука Земли вошла в нашу жизнь через радикальную трансформацию человеческой личности», — пишет Роззак. «Экологический персонализм» — это истинное уважение и личности человека, и святыни Земли, признание их права на жизнь, на самоценность».

Роззак своей персоналистической философией гневно протестует против насилия над личностью, против утонченных форм «технократической манипуляции», когда личность воспринимается лишь как сырье, как простейшее звено в процессе производства и потребления. В нынешнем обществе надругательство над личностью, попрание ее прав наблюдается повсюду, пишет Роззак, во всех институтах — в семье, в школе, на производстве. Человеку навязывают роли, вкусы, манеру поведения, исходя из требований экономической необходимости, а не из прав и интересов личности. Но урбанистический индустриализм точно так же эксплуатирует и природу, права которой следует защищать. Планета тоже должна иметь свои естественные права на неприкосновенность жизни, на свое природное достоинство... Таким образом, экологический персонализм — это взаимосвязанность проблем человека и природы, планеты Земля: чем глубже будет развито наше чувство личной значимости, святости, тем больше мы будем проникаться беспокойством за состояние нашей экологической среды. «Нужды Планеты и нужды личности сегодня стали неразрывны», они начинают «одновременно воздействовать на основные институты нашего общества с такой сокрушительной силой, которая, однако, несет в себе надежду на обновление всей культуры»⁶.

Нужды Планеты и нужды личности вступают в противоречие с ориентацией господствующих институтов общества; эти институты со временем все больше утрачивают культурную и нравственную легитимность, а вместе с этим — и свою прежнюю силу.

Теоретик контркультуры Роззак подчеркивает, что если французская революция утвердила идею равенства всех сословий, а американская — равенство всех рас, то контркультурная революция утверждает равенство и права всего живого на земле: стрекозы, горы, деревья, голубя и самой Планеты: мы все равны, все сделаны из одного материала, у нас равные права на жизнь, на любовь, на бережное отношение. Роззак призывает людей осознать свою общность со всеми живыми на Земле, самоидентифицироваться не по линии «мы — они», а осозна-

вать себя единой семьей землян. Человека и природу Роззак рассматривает как фундаментальнейшие ценности, ценности развития персоналистической этики.

Механической картине Вселенной, созданной ньютоновско-картезианской наукой, Роззак противопоставляет образ живой «общины существ», каждый из которых незаменим и уникален.

Впервые в истории, пишет Роззак, экологическое сознание превратилось в международную силу, способствующую диалогу между народами мира о сотрудничестве в деле защиты Планеты.

Индустриальные системы и социальные институты, которые создал человек, уже не понимают человека и не могут служить его нуждам — более того, могут легко порвать ткань природы, от которой зависит сама жизнь человека... Поэтому масштабы наших социальных и индустриальных систем — это уже не количественный, а качественный показатель — это качество жизни, качество человеческих отношений, которые возникают в результате наших коллективных действий для достижения целей научно-технического развития.

Экологизм и персонализм, как обозначение личностью своей уникальности, значимости, связаны еще и потому, что мы с Планетой действительно состоим из одного вещества, одних элементов — между нами действительно живая связь, поэтому судьбы человека и Планеты переплетены очень тесно, и сегодня Земля напоминает нам об этой связи.

Чем громаднее наши институты и системы — тем больше в них бюрократии — строгий контроль и учет, точность управления и бумажный поток, проверка и перепроверка всего — и человек становится невидимым, как бы статистическим фантомом, цифрой, а люди — нереальными друг для друга, Это распространенный кафкианский кошмар современной индустриальной жизни, пишет Роззак.

И если эти громадные институты и структуры не уменьшить, не «дезинтегрировать», то Земля, не выдержав их тяжести, сама может их сбросить с себя — и это будет глобальная катастрофа. Роззак считает, что только «революция сознания» — рост персоналистического самосознания человека и экологической ответственности — поможет прочувствовать тончайшие сигналы, которые посылает нам Земля, «чтобы защитить себя от нашей агрессии, от опустошения и осквернения, которые мы ей несем»⁷.

Укрепление и углубление связей между личностью и Планетой Роззак рассматривает как основной показатель рождения здоровой экономической и экологической политики. Роззак убежден, что вскоре должны появиться такие теории и учения, которые помогут осве-

тить и понять эту тонкую связь и помогут ей стать реальной силой. Сохраняя себя, человек должен уберечь и Планету: «Спасая свою индивидуальность, люди утверждают человеческие масштабы, они подрывают систему, режим гигантизма. Подрывая таким путем гигантизм, они спасают Планету»⁸.

Технологическое общество считает себя передовым, прогрессивным, развитым, однако человек в этом обществе остается убогим и неразвитым. Глубокие внутренние противоречия этого общества ведут к жестокой деформации человеческой природы. Поэтому контркультурная молодежь 60–70-х годов на Западе поставила под сомнение все существующие в этом обществе стандарты морали. Ей стало невыносимо такое болезненное ощущение, что «ты как личность живешь в мире, который презирает тебя, твою личность, эту личность растаптывают, размалывают как булыжник, а потом соединяют эти кусочки, превращая тебя в послушный, эффективный и, конечно, радостный персонал!» А эта молодежь хотела, чтобы с ней считались, чтобы ее слышали, относились к ней с вниманием, «чтобы те, кто выступает от имени государства, компании, народа — посмотрели вам в глаза и поняли, что вы — не статистический фантом, что вы — есть, вы реальны, вы имеете значение!»⁹.

Отказ от такой судьбы и поиск личной идентичности, поиск аутентичного смысла существования человека, раскрытие потенциалов личности могут стать, по мнению американского ученого, «подрывной политической силой огромных масштабов»¹⁰.

Идеи Роззак о неразвитости современного человека и его неспособности принимать ответственные решения во многом перекликаются с идеями Римского клуба о человеке и человеческих качествах. Современный человек и в изображении авторов Римского клуба — это отчужденное, растерянное, дезориентированное существо. Жизнь ставит перед ним гигантские задачи, но он неспособен даже понять, оценить всю ту огромную ответственность, которая сегодня ложится на него — человек не в состоянии ни понять, ни выполнить «свое предназначение как регулятора жизни на Земле»¹¹.

Как Роззак, так и А.Печчеи (один из президентов Римского клуба, итальянский ученый и общественный деятель) одинаково считают, что раскрытие внутренних потенциалов человека, его творческих сил и дарований жизненно важно для выживания человечества, потому что «только хороший человек может построить хорошее общество». Однако при этом Печчеи акцентирует развитие сознания и через сознание — развитие чувства ответственности, а Роззак

настаивает на развитии эмоционально-чувственной, нравственной стороны человека, его интуиции, трансцендентных, психологических качеств, т.к. он убежден, что чувство ответственности, моральное чувство рождается не из рациональных начал, а из бессознательного в человеке.

Сегодня человек находится в постоянном напряжении в погоне за ценностями материального успеха, карьеры, за «улыбкой фортуны» — за «лицемерными ценностями» урбанистического индустриализма». Он испытывает страх перед полным безразличием к нему общества, страх разорения, потери работы, утраты своего социального статуса. Такая жизнь рождает духовную опустошенность. И как своеобразная уравновешивающая сила рождается мечта — о целостности личности, о гармонии с природой, обществом. Роззак убежден, что жажда трансцендентного, которая сегодня стала все отчетливее проявляться, потребность религиозного, потребность в метафизической опоре — это такие же естественные природные нужды, как и физический и интеллектуальный голод, сексуальное влечение — эти потребности нужно тоже понять, научиться удовлетворять, а не пытаться устранить.

Сегодня в американском обществе, — пишет Роззак, — как протест против насилия над личностью рождается новый персоналистический этос — «новый персонализм», «новая культура личности» как стремление к восстановлению всех тех лучших качеств человека, — его нравственности, душевной отзывчивости — которые оказались не востребованными в рационалистически ориентированной индустриальной цивилизации.

Люди жаждут знать свое истинное предназначение, истинное призвание, истинный, не навязанный никем, путь в жизни, именно свой труд, не навязанный обществом, исходящим лишь из интересов урбанистического индустриализма. Это стремление людей к самопознанию, к самовыражению Роззак называет «Манифестом личности», «новым персонализмом».

«В наше время, — подчеркивает Роззак, — пишется тайный манифест. Он не появится в печати. Ни одно массовое движение не поднимет его как знамя... Речь идет о манифесте личности, о декларации ею своего суверенного права на открытие «Я»... Люди ожидают от жизни не только хлеба, работы, физической безопасности. За этими ясными и безусловными потребностями стоит не менее важная потребность в личностном признании, в признании каждого из нас в качестве особого, значительного события во Вселенной... Манифест личности, стихийно составленный и тонко распространяемый, знаменует один из самых великих поворотных пунктов в человеческой истории»¹².

Кто пишет этот «тайный манифест»? Его пишет каждый человек, кто хоть однажды испытал спонтанное, яростное возмущение против той силы, которая хочет превратить его в безликую, взаимозаменяемую деталь социальной системы, против тех, «кто хочет использовать вас для своих целей — кто хочет гнуть вас, разбивать, жертвовать вами ради своих целей, ради политики, которая считается более важной, чем ваша судьба». Его пишет каждый, кто осознал свое право быть личностью.

«Именно под давлением обид и оскорблений вы начинаете с ужасом осознавать, как мало своей уникальности вы сохранили, сколько жизни вы не прожили... сколько нераскрытых сил, талантов, неизведанных возможностей ума и духа пропало... И все же вы понимаете, что внутри вас еще есть что-то помимо навязанных ролей, оно ждет вашего собственного становления, вашей личной эмблемы перед лицом печали и грядущей смерти — ваша аутентичная идентичность»¹³.

Обретенная идентичность делает нас «уникальными событиями в мире, созданными единожды-и-никогда-не-повторимыми, средоточием уникальности». Пробудившаяся к самораскрытию личность выдвигает свой лозунг: «Я — человек. Не сгибать, не калечить, не растягивать» — не кантовать!

«Тайный Манифест личности» утверждает, что личность стоит впереди всех коллективных фикций, таких как племя, нация, класс, социальное движение, революционные массы»¹⁴. Каждая личность — уникальна, это «центр тонкой чувствительности и неповторимости», каждая личность — это «сокровище с бесконечными возможностями»

Роззак яростно выступает против всяких форм нетерпимости к людям, свойственных авторитарной, репрессивной культуре — против неприязни к калекам, этническим меньшинствам и т.д. Он требует внимания к каждому человеку без исключения: для него все люди — драгоценны. Гуманизм Роззака поистине необъятен — он готов обнять и посадить на престол всех без исключения: и белых, и черных, калек и здоровых, гомосексуалистов, преступников и их жертвы. Всякий человек — предмет его поклонения. Ему неважно, какими пороками, болезнями наделило его враждебное ему современное общество. Сам человек — чудо природы, ее тайна, ее смысл. В этом суть «нового персонализма» Роззака.

Роззак берет эпиграфом к одной из глав книги «Личность/Планета» слова английского поэта У.Уитмена:

Каждый из нас неизбежен,
Каждый из нас бесконечен,
Каждый из нас здесь такой же священный
Как и все вокруг.

Идея самораскрытия неотвратимо заразительна, пишет Роззак. Она схожа с идеями равенства и братства, которые стали целью мировой демократической революции. Если человек проснулся для самораскрытия, для саморазвития, если он понял, что в нем есть плодотворный, нераскрытый потенциал, возможности духовного роста, то он будет стремиться к самораскрытию, потому что «человек — это смысло-ищущее существо», которое должно понять свое предназначение в Космосе, он жаждет этого, как воздуха, и никогда не откажется от поиска своей идентичности, своей истинной сущности.

Роззак считает, что критики его «персоналистической этики» никак не могут понять, что это не индивидуализм, не нарциссизм, не гедонизм. Новый этос самораскрытия — это не «мегаломания самообесмертивания», как называет его Д.Белл, это не «шумный гедонизм нашей экономики высокого уровня потребления». Но это и не антропоцентризм.

Антропоцентризм, основанный гуманистической культурой Возрождения, ставил человека над Природой. Антропоцентрическое видение человеком самого себя как «царя Природы» привело к искажению взгляда человека и на самого себя и на Природу. Роззак, как и многие современные критики науки, также считает антропоцентризм Возрождения причастным к экологическому кризису, вызванному безответственным отношением к природе.

Покорение Природы со времен Возрождения рассматривалось как главный способ самораскрытия человека, развития его сущностных сил. Персоналистическая этика Роззака, смыкаясь с экологической этикой, ищет нового способа постижения мира — через раскрытие внутренней тайны самого человека, через обоснование нового способа отношения к миру, через поиски путей гармоничного сосуществования человека и природы, человека и общества. В соответствии с этой философией человек рассматривается как составная часть святыни Природы, а Природа — как мать, которую надо любить, а не покорять.

Для самораскрытия человека не нужны никакие социальные движения — для этого прежде всего необходима интимная работа духа, нужно движение внутрь. Эта трансформация личности будет происходить внутри каждого человека, решившего осуществить свой проект раскрытия внутренних возможностей.

Новая культура личности, нарождающийся персонализм уже сегодня проявляется разными способами. Как известно, в США и во многих странах мира сегодня широкое развитие получают различные новые коммуны, новые культы, группы новой терапии, духовного роста, повышения творческой активности, группы психологической

помощи. Там с помощью учителей, гуру, советчиков, психопомощников, психоконсультантов в «ситуационных товариществах» люди учатся менять стереотипы поведения, менять стандарты так называемого здравого смысла. В этих ситуационных группах люди объединяются со своими единомышленниками, и в открытом, интимном, «радостном диалоге» получают возможность говорить о своих проблемах и надеются быть услышанными и понятыми. Здесь людей объединяют общие беды, обиды, они получают здесь сочувствие и взаимопомощь, именно здесь человек раскрывается и может быть самим собой, имеет возможность открыто самовыражаться, не будучи осужденным другими членами группы.

Возникают новые профессии по оказанию психологической помощи с применением техники йоги и древних эзотерических учений. При университетах существуют «центры гуманистической психологии», трансцендентной психологии, группы и семинары по обмену духовным опытом. Все это делается, чтобы помочь человеку «двигаться внутрь», и это движение «может стать значительным политическим движением», «главным течением современной культуры». Если же это самораскрытие не превратится в главное течение современной культуры — то мы потеряем последний шанс, пишет американский ученый. Мы должны терпеливо культивировать то, «что может оказаться последним дрожанием духа в истории человечества»¹⁵.

Как вернуть духовное богатство человека из небытия, из забвения? Современное общество с его сайентизированными навыками мышления оказалось полностью неспособным обращаться с тонкостью духовной жизни. Нужно восстановить религиозный мистицизм, считает Роззак.

В сложной концепции личности, которую Роззак разворачивает в своих произведениях, большое место заняла идея религиозного мистицизма, которая считалась наиболее реакционной и подвергалась критике больше других его концепций.

Для рождения новой личности нужен, по мнению Роззака, «мистический анархизм» в духе Л.Толстого, Бубера, Уитмена, Торо, Ганди, Пола Гудмена и др. — нужно внимание «к священному средоточию жизни». А при капитализме, как и при социализме, человек одинаково живет в «дурмане экономических расчетов», человеческому сердцу не раскрывается радость жизни, все силы направлены на материальные потребности. Путь к рождению новой личности — «во внутренней революции», в раскрепощении интуитивно-эмоциональной природы человека, в высвобождении спонтанной игры воображения, мистических сил.

К поискам трансцендентных корней культуры, к проблемам ее генезиса Роззак обращается в книге «Незавершенное животное»¹⁶. Он считает, что культура была создана на заре человечества ее духовными лидерами — пророками, провидцами, магами, шаманами, которые обладали магическими, «визионерскими» навыками, умели обращаться с трансцендентными, сверхъестественными силами. Однако постепенно культура была отчуждена от своих истоков, секуляризирована, освобождена от церковного влияния, и многие факты, ценности ее утратили свой изначальный смысл, свои трансцендентные корни. Если для язычника и примитивных людей ритуалы, эмблемы таинства, причастия имели истинный онтологический смысл, то после секуляризации, реформации культуры этот смысл был утерян, и магия, «вводившая человека во внутреннюю одушевленную природу», была заменена технологией, одержимой жадной власти над природой, а таинство, дававшее человеку познание глубин его бессмертного духа, заменяется «патологической пытливостью морально безответственного разума»¹⁷. Это и есть «наиболее значительный вклад западного общества в историю человечества», — с сарказмом замечает Роззак.

Человек — это уникальный, сознающий себя, самоопределяющийся вид в природе, но он потерял многие свои уникальные качества: «Все, что мы потеряли на пути превращения в то растерзанное и измученное создание, именуемое современным человеком, мы можем найти только внутри себя: «Либо там, либо нигде вовсе», — пишет Роззак. Это должен быть напряженный духовный труд, глубокое движение мысли, самоуглубление, и в этом движении к самопознанию ничто человеческое не должно отбрасываться как негодное или недостойное. Необходимо изучить, исследовать, осваивать все мистическое, пралогическое, всю Священную мудрость, учения Лао Дзы и Будды, Иисуса и Магомета, блаженного Августина, Святого Антония, суфизм и тантру, старинные школы мысли — неоплатонизм и гностицизм, каббалу и герметизм. Именно так мы будем прокладывать путь к себе, «сквозь туннель через нижние этажи нашего ума, через то, что не отмечено на карте нашего Я», которое является нашим «иным», нашей внутренней Вселенной. Человек как «незавершенное животное» на этом пути может раскрыть свои ошеломляющие возможности. Нашими учителями и проводниками в этом увлекательном путешествии могут быть Пико делла Мирандола и Бомё, Блейк и Бодлер, Юнг и Джойс, Гурджиев и Блаватская, Бубер и Йейтс, Рильке и Штайнер, Эмерсон и Уитмен. Не совершив эту эволюцию сознания мы рискуем так и остаться «незавершенными животными».

В знаменитой доктрине итальянского философа XV в. Джованни Пико делла Мирандоллы, изложенной им в его «Речи о достоинстве человека», он изображен как незавершенное животное, как безгранично пластичное природное существо, способное меняться подобно хамелеону и подражать всем формам жизни — и тем, что наверху, и тем, что внизу, и ангельским, и дьявольским... Для Пико человеческое бытие не определялось, как в ортодоксальном христианстве или в ортодоксальном гуманизме, только выбором между добром и злом, для него бытие человека — это гигантский спектр возможностей, включающих в себя и богоподобное, и дьявольское¹⁸.

С точки зрения американского философа, изначальными аспектами нашей культуры были аспекты не материальные, а духовные: сначала был духовный опыт, а потом утилитарный, полезный. Сначала было видение, потом орудие: «мандала прежде колеса, священный огонь прежде очага для приготовления пищи, поклонение звездам прежде календаря», т.е. сначала родилась нематериальная культура, тонкая ментальная структура мифов и ритуалов, танцев и песнопения — в высшей степени тонкая культура, но при этом достаточно прочная, «чтобы связать воедино для бесконечных поколений людей обаяние и энергию нашего вида задолго до того, как первый булыжник был обтесан для топора». До палеонтологической эры была еще «палеотаумическая эра, единственной техникой которой была магия»¹⁹.

Западная рациональная цивилизация затуманила трансцендентно — мистический смысл и искусства, у истоков которого тоже стояли шаманы, размыла мистические начала личности. Мистицизм утерян, но его надо восстановить, раскрыть исконно присущий личности потенциал мистического, трансцендентного, восстановить утраченную мудрость волхвов, шаманов, удовлетворить исконную потребность человека в трансцендентном, его энергию ясновидения.

Эпоха Ренессанса открыла «скрытую жилу магии и мистицизма в западной культуре» — эзотерические традиции были глубоко разработаны именно тогда. В те времена верили, что в цифрологии, астрологии, алхимии «хранятся источники тайн человеческой природы». Затем появился образ Фауста, плененного запретными знаниями...

Жадный интерес к эзотерическому, странному, оккультизму мистике характерен и для эпохи романтизма. Но в этот период тоже появляется образ Фауста, «как символ века, рожденный фантазией Гете, как герой, жаждущий опыта в тех высотах и глубинах знаний, которые Бог и Дьявол охраняли как свои владения»²⁰.

Роззак считает, что именно поэты-романтики и художники-романтики — это люди, обладающие богатой фантазией, воображением, они противопоставляют «диктатуре разума стихию раскрепощенного чувства и воображения». В их произведениях Роззак находит трансцендентный символизм, христианскую кабалистику, сакральное постижение реальности. Но главное — эти поэты видели самоценность человека помимо его «нужности» для целей индустриального общества.

И сегодня, пишет Роззак, мы снова пытаемся расширить возможности нашего знания, и этот проект осуществляется необычайно широким фронтом, расширились возможности знакомиться и заимствовать опыт восточных и примитивных культур, широким потоком хлынула к читателям эзотерическая оккультная литература вместе с йогой и множеством психотерапевтических методик...

И сегодня огромно желание проникнуть в терра-инкогнита человеческого подсознания — с помощью психотерапии, психоделических таблеток, аутентичной духовной дисциплины. «Никогда прежде общество не собирало такого количества материала для создания истинного портрета человека»²¹.

В результате «изживания фантазийных начал» в человеке и природе выхолащивалось все самое лучшее, сокровенное. А без духовности в человеке «ожил зверь, который, как мы думали, навсегда похоронен под горой нашей самонадеянности» — зверь ожил, когда все святое, священное было изгнано из личности, из души человека²². Бездуховность агрессивна!..

Человек сегодня лишен своих важнейших качеств — «религиозной чувствительности», «магических чувств». У него украдены даже сны... А что такое сон? Это таинственная защита человека, помогающая ему сбросить тяжесть, расслабиться. Это еженощный катарсис... Во сне человек расширяет свое темное сознание до границ Вселенной, он каждую ночь, вероятно, «подтверждает свою мифическую тождественность...». А что если сон — это позывы иного измерения бытия — тоска по альтернативному сознанию, по ритму, присущему всей животной жизни, ритму мироздания? «Возможно, что во сне темное сознание несет нас к неподвижному центру той оси времени, где вращающееся колесо не вращается...»²³.

Две тысячи лет христианская традиция пестовала человеческую душу, а три столетия научный разум ведет против духовности свой «крестовый поход». Однако наперекор всему мистические мифы выжили. И сейчас все больше людей ищут опоры в мистике, в знаках Зодиака, в йоге, астрологии, гаданиях, шаманистике. Роззак считает,

что в этом проявляется величайшее знамение времени, «гораздо значительнее, чем покорение Космоса», потому что это и есть восстановление «старого Гнозиса», трансцендентного, мистического способа познания окружающего мира²⁴.

Следовало бы отметить, что сегодня во всем мире происходят изменения в оценке мистического опыта человечества. Знаменем времени можно так же считать и то, что на страницах отечественной печати уже можно прочесть строки, немислимые лет двадцать тому назад — о том, что мистика — это древнейший тип сознания, глубокая и древняя духовная традиция, что человеку еще предстоит освоить иррациональный опыт. Автор статьи «Я — мистик» П.С.Гуревич допускает возможность уравнивать два способа познания мира — мистику, иррационализм с их озарениями, основанными на интуиции, и науку, аналитический разум²⁵.

Более тридцати лет тому назад, когда Роззак призвал придать онтологический статус иррациональному опыту, его обвиняли в ереси. Сегодня происходит именно то, к чему он призывал...

Тема «религиозного мистицизма», «религиозной чувствительности» — основная на концепции личности Роззака. Роззак развивает идею «возврата к религиозной традиции», «возрождения религиозного импульса» в большинстве своих работ. Объявляя «вотум недоверия» разуму, рациональному, он противопоставляет им «религиозный мистицизм».

И в то же время Роззак неоднократно повторяет, что вовсе не имеет в виду возврат к старой религии, к старым религиозным догмам. К церкви он относится негативно: по его мнению, старая религия, церковь себя дискредитировали своими манипуляциями, деспотизмом, нетерпимостью своих ортодоксий. Старая религия, ортодоксальное христианство, оттолкнули от себя многих тем, что они сковывают сознание и душу, а не освобождают их.

Говоря о «новой религиозности», о «религиозном обновлении и возрождении», он имеет в виду вовсе не религию, а «духовное возрождение и обновление»²⁶.

Но тогда какое конкретное содержание стоит за этой риторикой, прославляющей «религиозный мистицизм»? — встает законный вопрос. И только очень внимательный анализ произведений Роззака позволяет «расшифровать» то, что «закодировано» в идее «религиозного мистицизма», и прийти к следующим выводам: для восстановления утраченной целостности личности, утраченных духовно-эстетических начал человеку необходимо воспользоваться всей совокупностью того колоссального исторического духовного опыта, который накоплен человечеством — и религиозного, и мистического.

Необходимо воспользоваться:

1) опытом религии, которая тысячелетиями культивировала человеческую душу, оберегала и наставляла ее, развивала чувство добра, совести, благородства, сострадания к чужому горю и милосердие;

2) мистическим опытом всех древних культур, «тонкой мудростью» культур Востока с их глубоким вниманием к внутреннему миру человека и виртуозным владением техникой медитации, самоуглубления, самосозерцания;

3) опытом, накопленным и современным оккультизмом, благодаря деятельности «таких одаренных людей, как Пико и Боэм, Блейк и Бодлер, Юнг и Джойс, Бубер и Йитс, Рильке и Штайнер, Эмерсон и Уитмен»²⁷.

При таком понимании «религиозного мистицизма» совсем по-иному видится и «проект самораскрытия Я» — это «проект» титанического труда по овладению всем богатством духовно-нравственной традиции человечества. Стало быть, недаром Роззак предлагает противопоставить «утилитарной работе» современных ученых «великий труд алхимиков» духа, «истинную, глубинную работу духа, творимую с любовью, с целью взаимного совершенствования макрокосмоса Вселенной и микрокосмоса — человеческой души»²⁸.

Следовательно, если «религиозно-мистический» опыт означает у Роззака совокупность духовного опыта прошлого, накопленного человечеством на протяжении всей своей истории, то становится понятным, что он имеет в виду, когда говорит о том, что именно «религиозный мистицизм» должен взять на себя «революционную роль» в нравственной трансформации человека — это означает, что только через освоение всей полноты духовной традиции, накопленной в «религиозном» и в «мистическом», может произойти тот самый «эволюционный скачок» в развитии человеческого рода, который завершит превращение «незавершенного животного» в человека «новой персоналистической культуры»²⁹. Здесь нельзя не увидеть связи с идеями Ф.Ницше о «еще не установившимся животном»³⁰. Но если Ницше считает человека изначально испорченным, болезненным, то Роззак рассматривает его изначально совершенным, уникальным существом.

Если же в процессе духовного становления человека опираться только на «религиозный и мистический опыт», как предлагает Роззак, то за бортом остается колоссальное богатство светской духовной традиции, накопленной в искусстве, литературе, музыке. Трудно предположить, чтобы в своем духовном росте человечество могло обойтись, скажем, без Достоевского и Чайковского, без Шекспира и Моцарта.

Этот перекокс в сторону иррационализма, в сторону пралогического мышления, который возник у «раннего» Роззакa в его борьбе с «научной рациональностью» в 1960-е гг., явно начинает преодолеватьcя у «позднего» Роззакa в его книге «Культь информации». В ней, борясь против всеобщей компьютеризации, Роззак защищает приоритет не мистического, а великих идей добра и справедливости, свободы, равенства, безопасности, долга, законности, нравственности, приоритета искусства, литературы в развитии личности, в образовании молодого поколения.

Повторим, что пристальное внимание к духовным традициям прошлого, в частности к мистическому, иррациональному, поиски путей нравственного возрождения человека на их основе — это основная черта концепции личности Роззакa. Внимание к извечным тайнам человеческой природы, духа, свойственное для американского гуманиста, тоже несет в себе позитивный заряд — здесь проявляется несомненное стремление вырваться из мертвящих стереотипов «рационального мышления», стереотипов существования в современном «зараціонализованном» обществе.

Внимание к «трусобам сердца», «смутным мирам» души всегда было свойственно мыслителям как прошлого, так и настоящего. Человек, как родовое существо, должен до конца познать самого себя. Ф.М.Достоевский еще в середине позапрошлого века одним из первых поставил проблему «душевного подполья». Чуть позже Ромен Роллан также предупреждал — чтобы избавиться от чудовищ, гнездящихся внутри нас, лучшее средство — посмотреть им прямо в глаза...

«Есть, очевидно, исторически назревшая потребность в том, чтобы человек, как родовое существо, отдал себе отчет не только в своих сознательных побуждениях, но и в подпольных, ускользающих от контроля разума, чтобы он их прозондировал и понял, чего от них можно ожидать», — пишет Н.Дмитриева³¹. Искусству не запрещено заглядывать в заповедные глубины личности, оно много сделало, исследуя их, но изучить потаенные импульсы человеческого поведения, сказать последнее слово — дело науки.

А что наука? Вот, например, в Эселенском институте (Калифорния, США) единомышленники и сотрудники Роззакa, который ведет там семинары, в том числе и психоневролог Ф.Гроф со своей группой психологов, парапсихологов, нейрохирургов, в течение нескольких десятилетий ведут эксперименты в области подсознательного. Ими накоплен громадный опыт в этой области. Однако, как утверждает С.Гроф, современная ньютоновско-картезианская наука не способна дать объяснение данным этих экспериментов — необходима смена парадигмы в современной науке³².

В.И.Вернадский тоже считал, что существует прямая связь между кризисом цивилизации и кризисом противоречивой, подвластной губительным импульсам природы человека. Чтобы вырваться из «животности» и дальше развиваться, человеческий род должен поставить перед собой следующую высокую нравственную цель, он должен наложить на себя фундаментальный запрет — «не убий!». А чтобы этот запрет стал таким же безусловным, как тысячелетиями выработанное табу «не ешь человеческого мяса», человека надо воспитывать с раннего детства в духе этого запрета. И только тогда появится новый генотип, в родовом определении которого рядом со словами «человек разумный» появятся слова «человек неубивающий»³³.

Ученые, изучающие поведение животных, утверждают, что у более высоко организованных из них, например у волков, существует инстинкт — «не убивать себе подобных». Такого инстинкта нет у человека, что является оборотной стороной его свободы...

Многие гуманисты прошлого и настоящего, размышляя о природе человека, видели выход в развитии его духовно-нравственного потенциала. Мысли Роззак о восстановлении и утверждении эмоциональной, духовной сферы развиваются в русле тех же гуманистических традиций.

Сущность человека, его лучшие стороны Роззак видит в том, что находит отражение в интуитивно-чувственном — в трансцендентном, магическом, мистическом, в том, что Тейяр де Шарден называл «личностной, сверхчеловеческой энергией»³⁴.

Грозящая катастрофа порождена не сущностью человека, а ее деформацией, искажением этой сущности. Искажения же эти связаны с выбором ошибочных ориентиров социального развития — урбанизации и индустриализации, убежден американский гуманист.

В то же время следует отметить, что в концепции личности Роззак с ее приоритетом духовно-мистических, иррациональных начал нашла свое отражение так называемая интровертивная тенденция в развитии человеческого познания. Человеческое познание, как подчеркивает В.И.Вернадский, начиналось с изучения окружающей человека природы, затем оно устремилось в Космос, а затем снова вернулось к человеку. Или, как пишет Э.Кассирер, «естественная человеческая любознательность начинает менять направление,.. интровертивная точка зрения постепенно выходит на первый план»³⁵. Интровертивная тенденция означает, что сегодня человек, наконец, становится интересен самому себе...

С точки зрения Роззак, сегодня главная опасность для человека — это антропологическая катастрофа, т.е. уничтожение человеческого — духовного — в человеке.

Но мы можем сказать также, что сущность человека выражается и в его рациональности. Поэтому поиск выхода идет и на рационалистических путях. Можно привести в качестве примера идеи единомышленников Роззак, молодых американских ученых-альтернативистов, стоящих на антисциентистских и антитехницистских позициях — Вольфганга Ширмахера, возглавляющего центр «Философия и техника» в Бруклинском политехническом университете, и Витторио Хестле, профессора Манхэттенского университета (США).

В.Ширмахер, ученик М.Хайдеггера, считает, что необходимо пересмотреть фундаментальные основы деятельности человека, приведшие к созданию «техники смерти», как называет современную технологию Хайдеггер; техника оказалась не только средством обеспечения человеческого существования, но и средством уничтожения людьми себе подобных, орудием убийства. Необходимо создать на разумных началах новую этику «технологической эры» и на ее основе обосновать «технику жизни», которая будет бережно взаимодействовать с окружающим миром — по принципу «дыхания»³⁶.

В.Хестле, профессор Манхэттенского университета (Нью-Йорк), многократно читавший лекции в нашей стране, подчеркивает удручающе низкий уровень мышления современного человека, его низкую образованность. В отличие от Роззак он убежден, что нужно опираться не на старый гнозис, наоборот, необходимо дальнейшее энергичное «оразумливание» человека. С этой целью он работает над созданием теории «предельного рационального обоснования» этических норм, нравственных законов, императивов Канта, правовых норм, поскольку сегодня их влияние значительно ослаблено, они почти не служат ориентирами в поведении человека. Они основаны лишь на вере, на чувствах.

Нравственный закон внутри нас восхищал Канта. Но этот закон не всегда человеком осознается, он порой существует лишь в психологических архетипах. Поэтому нужна новая этика, нужно так *предельно разумно обосновать все этические и правовые нормы*, «чтобы никто не мог усомниться в них, чтобы ни один релятивист или скептик не мог опровергнуть их, чтобы всем стало ясно, что человек всегда должен поступать так, как бы он хотел, чтобы поступали с ним»³⁷.

Конечно, нужно «оразумлять» человека, упорядочить, рационализировать многие стороны жизни. Но Роззак, например, убежден, что человек и сегодня, в век рациональности, «не в состоянии стать полностью рациональным, как и в век каменный»³⁸. Тогда нужно ли вообще все рационализировать? Как пишет Н.С.Юлина, в такой стра-

не, как Америка все формы человеческой деятельности: производственная, личная, семейная — рационализированы до предела, однако и здесь «люди менее всего чувствуют себя счастливыми»³⁹.

Французский социолог Ж. Фурастье также высказывает сомнения относительно необходимости и возможности подвергать оценке с точки зрения рациональности и функциональности все, что есть в обыденном сознании, в морали, в искусстве, религии, философии, считая, что что-то должно оставаться в «предохранительных нишах культуры» не рационализированным⁴⁰. Размышляя о соотношении рационального и иррационального, сознательного и бессознательного, К. Ясперс, например, подчеркивает, что именно бессознательное является основой нашего сознания: «Наше сознание опирается на бессознательное, оно все время вырастает из бессознательного и возвращается к нему. Однако узнать что-либо о бессознательном мы можем только посредством сознания. В каждом сознательном действии нашей жизни, особенно в каждом творческом акте нашего духа нам помогает бессознательное, присутствующее в нас. Чистое сознание ни на что не способно. Сознание подобно гребню волны, вершине над широким и глубоким основанием... Составляющее нашу основу бессознательное имеет двоякий смысл: бессознательное как природа, всегда покрытая мраком, и бессознательное как ростки духа, стремящегося быть открытым»⁴¹.

И, следовательно, если в человеке преобладает сфера бессознательного, иррационального, то и его жизнь, его культуру, по-видимому, не следует жестко рационализировать. Как утверждают культурологи, жестко рационализированная культура не может развиваться, она взрывается: таким взрывом была, видимо, и контркультура, родившаяся в такой максимально рационализированной стране, как Америка.

Можно допустить, что в поисках нового генотипа человека — «человека-нравственного» — необходимо идти в двух направлениях: по пути рациональному, но не «рационализируя» жестко все стороны жизни человека, а все более «оразумливая» человека, повышая уровень его образованности, и по пути овладения всей сложностью бессознательного, иррационального в человеке, по пути освоения духовного богатства, человеческой культурой.

Сегодня вопрос о нравственном развитии, о культурном облике человека стоит особенно остро — от него зависит само выживание человечества. Подчеркивая связь между нравственностью и научно-техническим прогрессом, академик А. Д. Сахаров писал десятилетия тому назад: «Научно-технический прогресс не принесет счастья, если не будет дополняться чрезвычайно глубокими изменениями в соци-

альной, нравственной и культурной жизни человечества. Внутреннюю духовную жизнь людей, внутренние импульсы их активности труднее всего прогнозировать, но именно от них зависит в конечном итоге и гибель и спасение цивилизации»⁴². И если человечеству сегодня угрожает упадок личной и государственной морали, распад основных идеалов права и законности, потребительский эгоизм, рост уголовных тенденций, алкоголизм и наркомания — то «первичная причина лежит во внутренней бездуховности», — считает А.Д.Сахаров⁴³.

Современник Хиросимы и Нагасаки великий Эйнштейн после этой трагедии усомнился в гармонии науки и нравственности. И он высказал убеждение, что отныне судьба человечества зависит не от уровня технических достижений, а от моральных устоев человека⁴⁴.

Известно, например, что в 1943 г. по заданию Министерства военно-морского флота США Эйнштейн разработал «генератор невидимости», чтобы сделать американские корабли незаметными для немецких локаторов. «Генератор невидимости» создавал такое мощное магнитное поле, что корабли в нем действительно становились невидимыми. Возможно даже, что возникала так называемая черная дыра, происходил прорыв... в иное измерение, в параллельное пространство? (Аналогичный эффект, оказывается, происходит и во время ядерного взрыва.) То необъяснимое, что затем происходило с экипажем эсминца «Элдридж», на котором испытывали «генератор невидимости», заставило Эйнштейна полностью уничтожить все его расчеты — он понимал, что такие изобретения опасны ввиду недостаточного нравственного развития человека⁴⁵.

Аристотель высмеивал миф древних, который гласил, что Небо якобы держат на своих плечах Атланты. Сегодня этот миф можно понять и по-иному: в современном мире небо (саму жизнь на земле) могут удерживать на своих плечах *только высоконравственные люди* — настоящие Атланты нравственного: только нравственно, эмоционально, духовно зрелый человек, глубоко познавший и понявший себя и мир, в котором он живет, всю глубину своей ответственности за судьбы этого мира, станет настоящим человеком, способным ответить на вызов времени.

Но как добиться такого развития человека? В концепции личности Роззак излагает мысль о том, что для раскрытия духовного потенциала человека необходима и «революция сознания», и в целом «революция личности», которые могут осуществиться на пути все более полного понимания природы человека и одновременного освоения всего разнообразия имеющегося в истории человечества его духовного опыта.

Примечания

- 1 См.: *Вдовина И.С.* Французский персонализм: Крит. очерк учений (1932–1982). М., 1990. С. 4.
- 2 *Roszak Th.* Person/Planet: the creative disintegration of industrial society. N. Y., 1979. P. 121. Далее: Person/Planet.
- 3 *Roszak Th.* Where the wasteland ends: Politics and transcendence in postindustrial society. Doubleday, 1972. P. XXIX. Далее: Where the wasteland ends.
- 4 Ibid. P. 95.
- 5 Ibid.
- 6 *Roszak Th.* Person/Planet. P. XXIX.
- 7 Ibid. P. 38.
- 8 Ibid.
- 9 Ibid. P. 7.
- 10 Ibid. P. XXVIII.
- 11 *Печен А.* Человеческие качества. М., 1980. С. 39.
- 12 *Roszak Th.* Person/Planet. P. 3–4.
- 13 Ibid. P. 7, 9.
- 14 Ibid. P. 4.
- 15 *Roszak Th.* Unfinished animal: the aguarian frontier and the evolution of consciousness. N. Y., 1975. IX. P. 12. Далее: Unfinished animal.
- 16 См.: Ibid.
- 17 Ibid. P. 161.
- 18 Цит. по: Человек и общество. М., 1992. Вып. 4. С. 197, 181, 179.
- 19 Unfinished animal: the aguarian frontier and the evolution of consciousness. N. Y., 1975.
- 20 Ibid. P. 24.
- 21 *Roszak Th.* Person/Planet. P. 10.
- 22 *Roszak Th.* Unfinished animal.
- 23 *Roszak Th.* Where the wasteland ends. P. 87.
- 24 Ibid. P. 262.
- 25 *Гуревич П.С.* Я — мистик // Независ. газ. 1992. 15 авг. С. 8.
- 26 *Roszak Th.* Where the wasteland ends. P. 458.
- 27 *Roszak Th.* Unfinished animal. P. 11.
- 28 *Roszak Th.* The Monster and the Titan: science, knowledge and Gnosis // Daedalus. 1974. Summer. P. 22.
- 29 *Roszak Th.* Unfinished animal. P. 11.
- 30 См.: *Ницше Ф.* Антихрист. СПб., 1907.
- 31 *Дмитриева Н.* Живее прошлое: Судьбы искусства — век XIX, век XX // Иностр. лит. 1988. С. 200.
- 32 *Гроф Ст.* Приключения в самопознании. М., 1991. С. 12.
- 33 *Вернадский В.И.* Философские мысли натуралиста. М., 1988. С. 29.
- 34 *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М.: Наука, 1987.
- 35 *Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 5.
- 36 См.: Schirmacher W. Zeitkritik nach Heidegger. Essen, 1989.
- 37 *Хестле В.* Гении философии нового времени. М., 1992. С. 28.
- 38 *Roszak Th.* In search of miraculous // Harper's. 1981. № 39, jan. P. 58.

- ³⁹ Юлина Н.С. Буржуазные идеологические течения. М., 1971.
- ⁴⁰ Цит. по: Панарин А.С. Наука и проблемы стабильности цивилизации в концепции Жана Фурастье // Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973. С. 345.
- ⁴¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1991. Вып. II. С. 197.
- ⁴² Сахаров А.Д. Мир через полвека // Вопр. философии. 1989. № 1. С. 27.
- ⁴³ Там же. С. 28.
- ⁴⁴ Наука и нравственность /Под ред. В.И.Толстых. М., 1971. С. 3–4.
- ⁴⁵ См.: Царев И. Тайна Эйнштейна // Труд. 1992. № 81, 21 мая. С. 4.